

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342

EDN: YPPRAV

**Достоевский и Писемский:
каллиграфическая пропись «Неведомов»
в черновых записях к роману «Бесы»**

Н. А. Тарасова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e-mail: nsova74@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу каллиграфической прописи «Неведомов» в черновых набросках к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского и содержит новые факты творческой истории данного произведения, связанные с художественной рецепцией творчества А. Ф. Писемского и, в частности, романа «Люди сороковых годов», опубликованного в журнале «Заря» в 1869 г. Помимо текстологических вопросов, в работе рассматриваются отношение Ф. М. Достоевского к произведениям А. Ф. Писемского, созданные ими литературные образы в контексте темы сороковых годов, ключевые аспекты исследования этой темы в литературоведении. Предлагается сопоставительный анализ мотивной и обральной структуры романов «Бесы» и «Люди сороковых годов», позволяющий выявить специфику художественного повествования в этих произведениях и особенности творческого восприятия проблематики романа А. Ф. Писемского в период работы Ф. М. Достоевского над «Бесами».

Ключевые слова: Достоевский, Писемский, текстология, каллиграфия, творческая история, литературные взаимосвязи, Бесы, Люди сороковых годов

Для цитирования: Тарасова Н. А. Достоевский и Писемский: каллиграфическая пропись «Неведомов» в черновых записях к роману «Бесы» // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 69–104. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342. EDN: YPPRAV

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342

EDN: YPPRAV

Dostoevsky and Pisemsky: The Calligraphic Inscription “Nevedomov” in the Draft Notes for the Novel “Demons”

Natalia A. Tarasova

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: nsova74@mail.ru

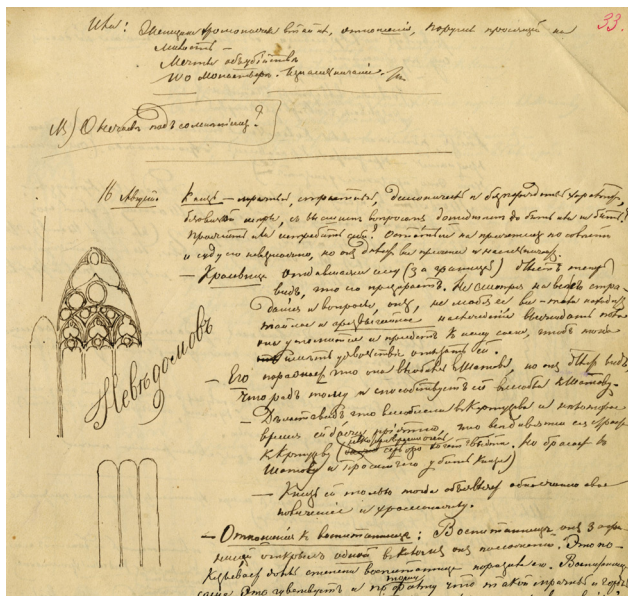
Abstract. The article is devoted to the analysis of the calligraphic inscription “Nevedomov” in the drafts for Fyodor Dostoevsky’s novel “Demons” and contains new facts of this work’s creative history related to the artistic reception of the work of Alexey Pisemsky and, in particular, the novel “People of the Forties” (1869). In addition to textual issues, the paper examines Dostoevsky’s attitude to the works of Pisemsky, the literary images created by both authors in the context of the theme of the Forties, key aspects of the study of this topic in literary criticism. A comparative analysis of the motif and figurative structure of the novels “Demons” and “People of the Forties” is proposed, allowing to identify the specifics of the artistic narrative in both works and the peculiarities of the creative perception of the problems in Pisemsky’s novel during the period of Dostoevsky’s work on “Demons.”

Keywords: Dostoevsky, Pisemsky, textual criticism, calligraphy, creative history, literary interrelations, Demons, People of the Forties

For citation: Tarasova N. A. Dostoevsky and Pisemsky: The Calligraphic Inscription “Nevedomov” in the Draft Notes for the Novel “Demons”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 69–104. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342. EDN: YPPRAV (In Russ.)

В одной из рабочих тетрадей с черновыми набросками к роману Достоевского «Бесы» есть каллиграфическая пропись: «Невѣдомовъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 33, см. Илл. 1).

Судя по расположению рисунков (архитектурных деталей) в ближайшем контексте, они, как и каллиграфия, появились до того, как напротив них были сделаны записи к роману, — во всяком случае, это касается тех набросков, которые огибают рисунки и каллиграфию или частично нанесены поверх рисунков, как на соседних страницах указанной тетради (см. Илл. 2).

Отмеченная каллиграфическая пропись нуждается в пояснении. Комментарий, данный к ней в недавнем издании этих черновики, едва ли можно считать удовлетворительным: «Версия имени героя. Ср.: "Нечаев задразнил Ст. Т-ча, себе неведомо, в невинности, доказав ему что¹ есть рога" (с. 82 наст. изд.)» [Баршт: 385]. Фамилия Неведомов здесь немотивированно соотносится с записью, содержащей слово «неведомо» и находящейся в другом месте тетради; при этом неясно, о каком герое идет речь и чем аргументируется предположение о том, что это «версия имени» одного из персонажей «Бесов».

Неведомов — это фамилия литературного персонажа, но не Достоевского, а А. Ф. Писемского: это один из героев романа «Люди сороковых годов», вышедшего в журнале «Заря» В. В. Кашпирева в 1869 г. С этим изданием сотрудничал и Достоевский, опубликовавший в «Заре» рассказ «Вечный муж» (1870). Роман Писемского вышел в свет перед самым началом разработки замысла «Бесов» (1870–1872).

I

Достоевский о Писемском

Известны отклики писателя на роман «Люди сороковых годов». Первый прозвучал в письме Н. Н. Страхову из Флоренции от 26 февраля (10 марта) 1869 г., когда Достоевский ознакомился с частью этого произведения: «Об романе Писемского сказать ничего теперь не могу; надо прочесть дальше. <...> По первой части Писемского заключаю, что не может не быть весьма талантливых вещей и в остальных частях»². Второй отклик связан с репликой главного героя этого романа (Вихрова) о самом Достоевском как писателе (ч. 3, гл. XIV): «Талантлив, но скучен»³ (см. также диалог героев, в котором «скучным» назван роман «Бедные люди» (*Писемский*; т. 5: 210)). В письме Н. Н. Страхову из Дрездена от 10 (22) февраля 1871 г. Достоевский откликнулся на опубликованную в «Заре» статью К. Н. Леонтьева «Грамотность и народность» (1870. № 11. С. 187–208; № 12. С. 287–303; напечатана под псевдонимом Н. Константинов), в которой говорилось о малом успехе журнала братьев Достоевских «Время»⁴. Вспоминая об этом, Достоевский заметил:

¹ В рукописи Достоевского перед «что» запятая.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 19, ср.: ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 11. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. При воспроизведении текста писем в данной статье в ряде случаев внесены уточнения по автографам Достоевского.

³ Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. М.: Библ-ка «Огонек», Изд-во «Правда», 1959. Т. 5. С. 111. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Писемский* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁴ См.: Н. Константинов <Леонтьев К. Н.> Грамотность и народность: (Беглые заметки) // Заря. 1870. № 12. С. 292.

«К чему же наездничать, как г<осподин> Константинов, и извращать факты? Он не церемонится с фактами: ему так надо и он утверждает как о верном о том, чего не знает. Признаюсь Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, что мне было тяжело с этим встретиться в "Заре". Тут не самолюбие говорит. Когда [прошлого]⁵ третьего года Писемский в своем романе, в "Заре", поместил обо мне несколько брезгливых отзывов, как о литераторе, я только посмеялся натуре {и нетерпению} Писемского и нисколько не претендовал на журнал, который, пожелав напечатать у себя мою повесть (о чем и заявил мне и публике) и прежде чем помести[л]{ть} обо мне хоть какой-нибудь отзыв, — да[ет]{л} [м<есто>] у себя место плевку на меня другого писателя. Но теперь мне обидно; Журнал "Время"⁶ был столько же моим делом, сколько и брата. Редакторами мы были оба. Успех журнала был неслыханный» (ДЗ0; т. 29₁: 177, см. также с. 457; ср.: ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 38).

В лекции А. И. Кирпичникова на тему «Достоевский и Писемский», опубликованной в конце XIX в., отмечается, что Достоевский проявлял интерес к творчеству Писемского уже в 1850-е гг. [Кирпичников: 25]. Личное знакомство писателей состоялось, по-видимому, в Петербурге в апреле 1860 г., когда они приняли участие в спектакле «Ревизор», устроенном в пользу Литературного фонда (ДЗ0; т. 28₂: 588)⁷.

Один из первых отзывов о художественном даровании Писемского — в семипалатинском письме Достоевского от 18 января 1856 г. к А. Н. Майкову — можно назвать скорее приветственным:

«Писемского я читал: "Фанфарон" и "Богатый жених"⁸, — больше ничего. Он мне очень нравится. Он умен, добродушен и даже наивен; рассказывает хорошо. Но одно в нем грустно: спешит писать. Слишком скоро и много пишет. Нужно иметь побольше самолюбия, побольше уважения к своему таланту и к искусству, больше любви к искусству. Идеи смолоду так и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. Лучше подождать побольше [синтезу,] {синтезу} {-} побольше думать, подождать, пока [все] многое мелкое, выражающее одну идею, соберется в одно большое, в один крупный, рельефный образ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы? Не знаю, поняли ли Вы⁹ меня? Что же касается

⁵ В квадратных скобках приведен вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных — писанный.

⁶ В рукописи в названиях журналов кавычки отсутствуют.

⁷ См. также письма П. И. Вейнберга к Достоевскому [Степанова: 242–243].

⁸ В рукописи в обоих названиях кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи со строчной буквы: вы

до Писемского, то, мне кажется, он мало сдерживает перо¹⁰» (*ДЗ0*; т. 28₁: 210, см. также с. 467; ср.: ОР РГБ. Ф. 93.1.6.33. Л. 2–2 об.).

Позднее, в письме И. С. Тургеневу от 20 сентября 1864 г. мелькнула еще одна характеристика. Достоевский просил Тургенева дать «повесть или роман» в готовившийся журнал «Эпоха» и сообщал — упомянув Писемского — о том, что видит в роли редактора издания А. У. Порецкого:

«Порецкий человек тихий, кроткий, довольно образованный и без литературного имени ([по] если уж не колоссальное литературное имя, как н<a>прим<ер> Писемский, то уж лучше пусть совсем без имени; для журнала выгоднее. [В случае если будет хорошо издаваться — в публике сейчас получим вопросы: кто ж у них там издает?..]¹¹), но главное: Статский Советник» (*ДЗ0*; т. 28₂: 102; ср.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 429. Л. 19 об.¹²).

Н. Н. Страхов, сотрудничавший с журналом «Заря», в письме от 23 ноября 1870 г., приглашая Достоевского печататься, в числе возможных авторов назвал и Писемского:

«Мы обещаем Толстого и очень бы хотели обещать Вас. Будьте добры, бесценный Федор Михайлович, напишите в какой форме можно Вас обещать? Нельзя ли заглавие? То-то было бы хорошо.

Можно бы обещать Писемского и Клюшникова, но, право, это едва ли привлечет и чуть ли не испугает. Осрамились они в 1869 году, и повредили-таки "Заре"» [Долинин, 1940: 269]¹³.

Речь идет именно о романе Писемского «Люди сороковых годов», публиковавшемся, как отмечено выше, в 1869 г. в «Заре» и довольно прохладно принятом критикой¹⁴. В ответном письме от 2 (14) декабря 1870 г. находившийся в Дрездене Достоевский возражал Страхову:

¹⁰ Записи: писать. Слишком ~ выражать его. и: Колоссальные характеры ~ перо. — сделаны на полях.

¹¹ Вычеркнутый текст в *ДЗ0* не отражен (в сноске помета: *Далее зачеркнуто две строки*).

¹² Цит. по фотокопии; подлинник хранится: Bibliothèque Nationale. Service photographique. Paris. Département des manuscrits. Slave 81. P. 129–130.

¹³ Высказано предположение, что «эта оценка была несколько приукрашена Страховым, чтобы привлечь Достоевского в журнал, при этом на Писемского были переброшены общие неудачи издания», подробнее см.: [Андреева: 676].

¹⁴ См.: (*Писемский*; т. 4: 306); примеч. к письму Достоевского Н. Н. Страхову из Флоренции от 26 февраля (10 марта) 1869 г. (*ДЗ0*; т. 29₁: 395). Оценки творчества Писемского менялись, от благосклонных отзывов в 1840–1850-е гг. до резко отрицательных в 1870-е гг. Перелом в отношении к писателю произошел с подготовкой посмертных изданий его сочинений. В советский период интерес к произведениям Писемского сохранялся, в последнее время возрос. К настоящему моменту существует достаточно широкая научная библиография, посвященная различным проблемам изучения творчества писателя — поэтике текстов, литературной традиции, автобиографическим мотивам, особенностям языка и стиля и др.

«Вы пишете насчет Писемского и Ключникова. Но ведь Писемский, во всяком случае, напишет любопытно» (ДЗ0; т. 29₁: 152, см. также с. 447; ср.: ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 37).

Вместе с тем критические нотки в отношении творчества Писемского звучали уже в ранних письмах Достоевского¹⁵. В другом семипалатинском письме — старшему брату Михаилу от 31 мая 1858 г. — Достоевский неодобрительно отозвался о романе Писемского «Тысяча душ» (1858):

«Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам, Сазиковская работа по рисункам Бенвенуто Челлини. Правда, я прочел только две части; журналы поздно доходят к нам. Окончание 2-й части решительно неправдоподобно[,] и совершенно испорчено» (ДЗ0; т. 28₁: 312, см. также с. 493; ср.: ОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. С. 144).

В этом письме, как указал Б. Н. Тихомиров, «прорывается желание и готовность высказаться о творчестве Писемского в *литературно-критическом ключе*. Фактически перед нами искусно очерченная критическая миниатюра, которую вполне можно представить в составе журнальной статьи, посвященной разбору "Тысячи душ"» [Тихомиров: 8].

Из письма брату Михаилу от 19 ноября 1863 г. известно, что Достоевский собирался писать литературно-критическую рецензию о произведениях Писемского и Чернышевского:

«Разбор Чернышевского романа и Писемского¹⁶ произвел бы большой эффект и, главное, подходил бы к делу. Две противоположные идеи и обеим по носу. Значит, правда. Я думаю, что все эти три статьи (если только хоть 2 недели будет работы спокойной) я напишу. — Здесь я никого не видал, кроме Писемского, которого случайно вчера встретил на улице и который обратился ко мне с большим радушием. Вчера же вечером шла его "Горькая Судьбина" в 1-й раз. [О<н>]{Я} не был. Об участии драмы — не знаю. Он говорил, что Англ<ийский> Клуб и вся помещичья партия собирает кабалу. Прихвастнул, должно быть» (ДЗ0; т. 28₂: 57; ср.: ИРЛИ. Ф. 100. № 29608. Л. 2 об., 1 об., 1, записи на полях).

Сохранилось и несколько набросков в рабочих тетрадях Достоевского с оценками в адрес Писемского. Это, во-первых, заметка из записной книжки 1864–1865 гг.: «Весь реализм Писемского сводится на знание куда какую

¹⁵ Об отношении Достоевского к Писемскому см.: [Долинин, 1928: 523].

¹⁶ Имеются в виду романы Чернышевского «Что делать?» и Писемского «Взбаламученное море», вышедшие в 1863 г., — подробнее см.: (ДЗ0; т. 28₂: 390).

просьбу нужно подать» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8. С. 4; ср.: Д30; т. 20: 203, см. также с. 391).

В набросках к замыслу о романисте «Идея романа» (в Д30 опубликованы под заголовком «Великолепная мысль. Иметь в виду» (Д30; т. 12: 5); датированы автором 16/28 февраля <18>70 г.) появляется еще одна оценка в адрес Писемского: «Ну положимъ съ Графомъ Л. Толстымъ или съ Г. Тургеневымъ (NB. Никогда съ просто Тургеневы<мъ> безъ Г.) не равняю; даже съ другимъ Графомъ Толстымъ не равняю, но реалистъ Писемскій — это другое дѣло! Ибо это водевиль французскій, который выдаютъ намъ за русскій реализмъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 54; ср.: Д30; т. 20: 203, см. также с. 391)¹⁷. Сравнение творчества Писемского с французским водевилем в указанной записи и цитированный отзыв Достоевского о романе «Тысяча душ» («старые темы на новый лад») выражают сходную мысль — об отсутствии художественной оригинальности в произведениях современников.

II

Литературные образы Писемского и Достоевского в контексте темы сороковых годов

Как известно, одной из главных отсылок к теме сороковых годов в романе «Бесы» является образ Верховенского-старшего. В тексте есть хронологическая привязка к этому времени: Степан Трофимович начал преподавать «в самом конце сороковых годов» (Д35; т. 10: 9). Появляются и оценочные характеристики: его «уморительно карикатурил иногда у Юлии Михайловны» Лямшин, «под названием: "Либерал сороковых годов"» (Д35; т. 10: 277). Негативно-оценочная реплика прозвучала в адрес Верховенского-старшего на «празднике» у губернаторши: «— Каламбуры сороковых годов! — слышался чей-то весьма, впрочем, скромный голос, но вслед за ним всё точно сорвалось; зашумели и загалдели» (Д35; т. 10: 413).

В черновиках к роману та же тема звучит в связи с прототипом Степана Трофимовича — Т. Н. Грановским: «— Человѣкъ сороковыхъ годовъ и помнить объ нихъ и въ сношеніяхъ съ уцѣлѣвшими (Я и Тимофей Грановскій)» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 24; ср.: Д35; т. 11: 149). Далее в этих же заметках, посвященных Грановскому, в одном из намеченных диалогов сказано: «(Базаровъ написанъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ и безъ ломанія, {а стало быть} безъ нарушенія правды, человѣкъ сороковыхъ годовъ, не могъ написать Базарова)» (сохранена пунктуация автографа: ОР РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 29; ср.: Д30; т. 11: 72; Д35; т. 11: 161)).

Позднее, в «Дневнике Писателя» за 1876 г. (главка «Идеалисты-циники» второй главы июльско-августовского выпуска) Достоевский замечал:

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2020. Т. 9. С. 387, см. также с. 951–952, 955. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д35 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

«Грановский был самый чистейший из тогдашних людей; это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле, и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе "Бесы" и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу» (ДЗ0; т. 23: 64).

Выражение «люди сороковых годов» относится к поколению, с которым было связано развитие общественных дискуссий об историческом пути России и назначении литературы, отразившихся в выступлениях западников и славянофилов, журналистике, критике и получивших осмысление в более позднее время (см.: [Тимашова: 20–21]). По замечанию А. Б. Муратова, «идеи 1860-х годов, как совершенно справедливо полагал Писемский, вызревали в умах людей 1840-х годов. Это были идеи оппозиционные, не принятые тогдашней властью, но истину устремлений этих людей подтвердили годы 1860-е. <...> В сознании человека середины XIX в. "люди сороковых годов" были представителями определенного "умственного движения": кружки той поры, Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Кавелин, Чичерин, Грановский, будущие деятели "великих реформ". Они представлялись сознанию читателей как бы "по Тургеневу": идеалисты, носители благородных и гуманных стремлений, но люди "лишние", они пробудили общество, но сами практически были бесплодны. <...> Таков был как бы общепринятый, устоявшийся взгляд на историческую роль "людей сороковых годов". Но ему противоречил роман Писемского, который, как писал Шелгунов, "не видел и не знает Россию интеллектуальную 40-х годов; он знает только Россию простонародную и чиновную, в сфере которой он жил и людей которой он только и умеет рисовать. Интеллектуальная область — не его область, и люди этого мира — не его мира"¹⁸. <...> Но в том-то и заключалась мысль Писемского: сороковые годы — это не только философский идеализм беспочвенных мечтателей Рудиных; есть еще бытовое значение идей тех лет, с которым связана деятельность всех этих чиновников, инженеров, губернаторов, мелкого люда и людей идеи вкупе, практически готовивших общество к переменам. Эта практическая сторона жизни, ее механизм прежде всего и будет интересовать Писемского» [Муратов: 4–5].

После публикации романа Писемского «словосочетание "люди сороковых годов" входит в употребление и становится своеобразным языковым и культурным клише», но «само представление об особом типе личности, характерном для людей, чья деятельность пришлась на эпоху "славного десятилетия",

¹⁸ Цитата из статьи: Н. Ш. <Шелгунов Н. В.> Люди сороковых и шестидесятых годов: («Люди сороковых годов». Роман А. Писемского. «Заря», 1869 г.) // Дело. 1869. № 9. С. 22–23.

как впоследствии назовет сороковые годы П. В. Анненков, начало складываться раньше, а именно в 1855 г.» [Лазутин, 2010: 101]. По мнению В. В. Лазутина, одним из первых проявлений такой рефлексии стал рассказ И. С. Тургенева «Яков Пасынков» (1855), герой которого «во многом схож с определенным типом людей недавнего прошлого» [Лазутин, 2010: 104]. Показательны оценки, данные этому произведению И. И. Панаевым в майском номере «Современника» за этот же год¹⁹: «Панаев описывает тип личности, очень схожий с типом Пасынкова. Философичность, ясность ума, стремление к идеалам красоты и истины, даже любовь к Шуберту, как и несчастливая любовная история, пропущенная через рефлексию персонажа... <...> в статье Панаева можно увидеть первый этап типизации, складывания представления о "человеке сороковых годов" как о личностном, поведенческом и характерологическом типе, и типизация эта связана с известной мерой обобщения» [Лазутин, 2010: 105]. Как считает исследователь, в рассказе Тургенева и отзыве о нем Панаева указаны «основные черты типа "человека сороковых годов", которые впоследствии будут определяющими. В первую очередь это увлеченность философией и искусством, душевное благородство, несчастливая любовная история, причем пропущенная через рефлексию персонажа. Но очерк Панаева добавляет к типу, заданному Тургеневым, и новые акценты. <...> ...в оценку личности вносится оппозиция "мечта — деятельность", и ставится вопрос о том, что же, собственно, совершили, сделали эти люди, не была ли вся их жизнь пустой. Появляется критическая оценка личностного и поведенческого типа, хотя рассказчик этой оценки и не принимает, противопоставляя своего героя нынешнему поколению» [Лазутин, 2010: 107]. Таким образом, «в рефлексии современников над типом "людей сороковых годов"» выделяется как ключевое «противоречие между идеей и практической деятельностью» [Лазутин, 2010: 108] (см. также: [Овсяннико-Куликовский: 122–200], [Швецова, Земляникин: 54–55]).

Эту рефлексию в известной степени отразило и стихотворение Н. А. Некрасова «Человек сороковых годов» (1866, опубликовано в 1876):

...Пришел я к крайнему пределу...
 Я добр, я честен; я служить
 Не соглашусь дурному делу,
 За добрым рад не есть, не пить,
 Но иногда пройти стороной
 В вопросе грозном и живом,
 Но понижать мой голос звонкий
 Перед влиятельным лицом —
 Увы! вошло в мою натуру!..

¹⁹ Имеется в виду статья: Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 5. Отд. V. С. 113–129.

Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году, и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...²⁰

В романе Писемского «Люди сороковых годов», где повествование во многом опирается на саморефлексию героя, Вихров, глядя на своих социально успешных друзей, выбравших службу, а не писательство, размышляет:

«Грустно и стыдно мне стало за самого себя; не то, чтобы я завидовал их чинам и должностям, нет! Я завидовал тому, что каждый из них сумел найти дело и научился это дело делать... Что же я умею делать? Все до сих пор учился еще только чему-то, потом написал какую-то повесть — и еще, может быть, очень дурную, за которую, однако, успели сослать меня²¹. Сам ли я ничтожество или воспитание мое было фальшивое, не знаю, но сознаю, что я до сих пор был каким-то *чувствованием жизни* — и только пока» (Писемский; т. 5: 175).

Вместе с тем, по мнению Л. Н. Синяковой, Писемский в романах 1860-х гг. «создает два симметричных характера "человека сороковых годов": один собирает в себе отрицательные черты типа — инерционность, эгоизм, самолюбование, фразерство, неспособность к практической деятельности (Бакланов, "Взбаламученное море"), а другой аккумулирует его лучшие черты и в результате значительно трансформирует значение титульного термина (Вихров, "Люди сороковых годов"). Вихров и его единомышленники выражают историческую правоту в предреформенных условиях, являясь, по сути, пропагандистами теории "малых дел" и отстаивая либерализм в государственных институтах. Тем не менее оба героя принадлежат к числу

²⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1982. Т. 3: Стихотворения, 1866–1877 гг. / [коммент. О. Б. Алексеева и др.]. С. 27.

²¹ Вихров был сослан в губернию за написание повести и рассказа критической направленности, попавших под правительственную цензуру. Высказано предположение о реальной подоплеке этого мотива, ср.: «В данном случае реальным жизненным источником (а, значит, и прототипом, хотя и частичным, Вихрова) явились факты биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина — литературного современника Писемского, сосланного в 1848 году в Вятку за сочинение повестей "Противоречия" (1847) и "Запутанное дело" (1848)» [Тимашова: 74].

"обыкновенных" людей, в историко-культурной конкретизации — к "людям сороковых годов"» [Синякова, 2008: 96] (см. также: [Седов], [Лазутин, 2011], [Звягина]).

В критических работах, содержащих отклики на роман «Бесы»²², при общих отсылках к теме сороковых годов, оценки разнились. П. Н. Ткачев в 1873 г., говоря о Верховенском-старшем, настаивал на неоригинальности этого образа, вспоминая именно Писемского в числе предшественников Достоевского:

«...это очень старый и общеизвестный характер одного из представителей так называемых людей 40-х годов. Тип изъезженный; каждая его черточка, каждая деталь были уже много раз воспроизводимы нашими лучшими беллетристами, и притом беллетристами 40-х же годов. Достоевскому пришлось тут, следовательно, идти по проторенной дорожке и не столько творить, сколько компилировать. И действительно, его Степан Трофимыч не более, как компиляция, составленная по известным образцам, данным Писемским, Гончаровым, Тургеневым и т. п.».

По утверждению критика, «компиляция г<осподина> Достоевского <...> составлена с большим психическим искусством», но «воспроизведение личности Верховенского вышло <...> более похожим не столько на объективное изображение характера, сколько на критическую оценку его», и «Степан Трофимыч представляет собою не живое воплощение конкретного характера, а просто психологический анализ некоторых выдающихся и наиболее общих черт известного типа людей»²³ (см. также: (Д30; т. 12: 262)).

Н. К. Михайловский в том же году, отмечая, что «тип идеалиста сороковых годов эксплуатировался у нас весьма часто», сделал вывод, что Достоевский «берет его <...> с некоторых новых сторон, а потому придает ему свежесть и оригинальность, несмотря на избитость темы»²⁴.

²² Подробнее см. в 12-м параграфе акад. комментария к «Бесам»: (Д30; т. 12: 257–272, примеч. В. А. Туниманова).

²³ П. Н. <Ткачев П. Н.> Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. Спб. 1873 // Дело. Журнал литературно-политический. 1873. № 3. С. 163–164.

²⁴ Н. М. <Михайловский Н. К.> Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II. С. 317.

III

«Люди сороковых годов» Писемского и герои Достоевского

Неоднократные отсылки к типу «человека сороковых годов», появляющиеся в черновиках и в окончательном тексте романа «Бесы», и упоминание Неведомова указывают на то, что Достоевский вспоминал содержание романа Писемского «Люди сороковых годов» в период разработки своего замысла. Несмотря на то что критика в основном уделяла внимание его главному герою — Павлу Вихрову, Достоевского заинтересовал персонаж, казалось бы, второстепенный.

Неведомов представляется Вихрову как «дворянин и кандидат здешнего университета» (*Писемский*; т. 4: 161). Автор дает портретную характеристику героя:

«В дверях часовни Павел увидел еще послушника, но только совершенно уж другой наружности: с весьма тонкими очертаниями лица, в выражении которого совершенно не видно было грубо поддельного смирения, но в то же время в нем написаны были какое-то спокойствие и кротость; голубые глаза его были полуприподняты вверх; с губ почти не сходила небольшая улыбка; длинные волосы молодого инока были расчесаны с некоторым кокетством; подрясник на нем, перетянутый кожаным ремнем, был, должно быть, сшит из очень хорошей материи, но теперь значительно поизносился; руки у монаха были белые и очень красивые. Когда Павел вышел из часовни, монах тоже вышел вслед за ним и, к удивлению Павла, надел на голову не клобук, не послушническую шапку, а простую поношенную фуражку» (*Писемский*; т. 4: 160).

Тут же выясняется, что Неведомов не монах:

«— Одежду я такую ношу, потому что она мне нравится. <...>

— По моему мнению, — начал он неторопливо, — для человеческого тела существуют две формы одежды: одна — испанский колет²⁵, обтягивающий все тело, а другая — мешок, ряса, которая драпируется на нем. Я избрал последнюю!» (*Писемский*; т. 4: 161).

Иными словами, заявленное в характеристике Неведомова сравнение с монахом и рыцарем²⁶ принадлежит самому герою, и эти ассоциации впоследствии получают развитие.

Запоминающийся вид имеет и комната, в которой живет Неведомов. Она также показана глазами Вихрова, который «сильно был удивлен тем, что

²⁵ Испанский колет — известен с XVI в., мужская одежда, пошита как жилет или куртка без рукавов, преимущественно из кожи, по форме напоминала полудоспехи; одежда воинов. См.: [Даль, 1998; т. 2: 137], [Фасмер, 1986; т. 2: 290].

²⁶ О значении последнего понятия см.: [Синякова, 2007].

представилось ему там: во-первых, он увидел диван, очень как бы похожий на гроб и обитый совершенно таким же малиновым сукном, каким обыкновенно обивают гроба; потом, довольно большой стол, покрытый уже черным сукном, на котором лежали: череп человеческий, несколько ручных и ножных костей, огромное евангелие и еще несколько каких-то больших книг в дорогом переплете, а сзади стола, у стены, стояло костяное распятие» (*Писемский*; т. 4: 164). Вихров называет убранство его комнаты «решительно символическим» (*Писемский*; т. 4: 165).

Сравнение с гробом вызывает ассоциации с «Преступлением и наказанием» Достоевского, где оно используется применительно к тесной низкой каморке, в которой живет Раскольников и о которой его мать, Пульхерия Александровна, говорит: «— Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб...» (*Д35*; т. 6: 198)²⁷. Это сравнение, будучи отсылкой к теме смерти и, у Достоевского, воскресения, своеобразно связывает героев: Раскольников встретится со смертью, став убийцей, Неведомов — потеряв возлюбленную и став самоубийцей.

Неведомов, на первый взгляд, наделен чертами «новых людей» базаровского типа²⁸, но в то же время своеобразен. Из первого разговора Вихрова с ним выясняется, что Неведомов интересуется анатомией и, кроме того, проводит время за чтением духовных и светских книг, в числе последних особо выделяя произведения Шекспира. Идеалом для него является персонаж «Ромео и Джульетты» — «Лоренцо, монах, францисканец, человек совершенно уже бесстрастный и обожающий одну только природу!..» (*Писемский*; т. 4: 166)²⁹.

Позднее Вихров узнает от общего знакомого, что Неведомов за свое монашеское одеяние был отправлен в острог:

«— Неведомова-то! — воскликнул Салов. — Да разве вы не видите, что он сумасшедший...³⁰ Одежда-то его, а!.. Как одежда-то его вам нравится?

— Одежда у него действительно странная, — произнес Павел.

— Вы знаете, он за нее в остроге сидел, — продолжал Салов с видимым уже удовольствием. — Приехал он там в Тулу или Калугу... Подрядник этот у него еще тогда был новый, а не провонялый, как теперь... Он выфрантился

²⁷ См. подробнее о символике хронотопа в «Преступлении и наказании»: [Тарасова, 2015: 136–137]. См. также: [Круглова, 2008: 17].

²⁸ Базаров и критик Д. И. Писарев, посвятивший тургеневскому герою свои программные статьи (см., например, работы «Базаров» (1862), «Реалисты» (1864)), упоминаются и в черновиках романа «Бесы», см. выше, а также: (*Д35*; т. 11: 153, 159, 161, 321; *Д30*; т. 12: 334).

²⁹ И Вихров, уже будучи сосланным в губернию в качестве чиновника по особым поручениям без жалованья, организует спектакль по шекспировскому «Гамлету», где исполняет главную роль (*Писемский*; т. 5: 198). О значении Шекспира для Писемского см.: [Тимашова: 140–141], [Ермолаева].

³⁰ Сумасшедшим Неведомова называет и его возлюбленная в разговоре с Вихровым (*Писемский*; т. 4: 292).

в него, взял в руки монашеские четки, отправился в церковь — и там, ставши впереди всех барынь и возведя очи к небу, начинает молиться. Все, разумеется, спрашивают: "Кто такой, кто такой этот интересный монах?" Заинтересовалась сим и полиция также... Он из церкви к себе в гостиницу, а кварташки за ним... "Кто, говорят, такой этот господин у вас живет? Покажите его паспорт!" — Показывают... Оказывается, что совершенно не монах, а светский человек. Они сначала — в часть его, а потом — и в острог, да сюда в Москву по этапу и прислали, как в показанное им место жительства» (Писемский; т. 4: 177–178, курсив наш. — Н. Т.).

В романе Достоевского «Подросток» (1875) возникает параллель с этой сюжетной ситуацией, при смене фокуса описания с внешнего (одеяние монаха) на внутреннее (вериги как символ смирения) и при сходстве оценок, данных героями (восприятие монашеской атрибутики как проявления странности). О Версилове, «монахе с веригами», как называет его Аркадий Долгорукий (Д30; т. 13: 175), говорит старший князь Сокольский:

«Верить ли, он держал себя так, как будто святой, и его мощи явятся. Он у нас отчета в поведении требовал, клянусь тебе! Мощи! En voilà une autre! Ну, пусть там монах или пустынный, — а тут человек ходит во фраке, ну, и там всё... и вдруг его мощи! *Странное желание для светского человека и, признаюсь, странный вкус*» (Д30; т. 13: 31–32, курсив наш. — Н. Т.).

Объединяющим звеном в художественной рецепции этой темы в данном случае может быть некрасовское стихотворение «Влас» (1855), о котором Достоевский оставил отзыв в «Дневнике Писателя» за 1873 г. Как указал А. С. Долинин, «несмотря на основную цель свою на "Власе" сводить счеты с Некрасовым как с идейным врагом, Достоевский выделяет курсивом несколько стихотворных строк, особенно прекрасных: "*Смуглолиц, высок и прям (чудо как хорошо!)*". И дальше: "*ходит он стопой неспешною... сам с собой все говорит и железною веригою тихо на ходу звенит. Чудо, чудо как хорошо! Даже так хорошо, что точно и не вы писали*"...» [Долинин, 1963: 129–130], ср.: (Д30; т. 21: 32–33). Вместе с тем образ Версилова справедливо соотнесен [Долинин, 1963: 47] и с замыслом романа «Атеизм», изложенным Достоевским в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. (то есть до появления романа Писемского):

«Лицо есть: Русский человек, нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — *вдруг*, уже в летах, теряет веру в Бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в Бога действует на него колоссально. (Собственно действие[,] в романе, обстановка — очень большие). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам

и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно между прочим попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщин[у]{ы} — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога» (*Д30*; т. 28₂: 329; ср.: ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 68).

В Версилове подчеркивается двойственность характера (о чем говорит и сам герой: «Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь» (*Д30*; т. 13: 408)): «вериги» не мешают его страстной натуре вовлечься в интриги Ламберта и Подростка против Ахмаковой. Вроде бы монолитный характер Неведомова на поверку тоже оказывается не лишенным двойственности. Увлекавшийся театром и светской жизнью, Неведомов сообщает, что сжег книги Шекспира, имевшиеся у него, и уходит в монастырь. Однако уход этот в сущности является атрибутом столь же внешним, как и его выбор монашеского одеяния в миру. Вихров, считающий это решение «отрицанием от всего», пытается переубедить его, упрекает в отказе от любви, творчества, мирских трудов, но, выслушав ответ Неведомова: «ни для какой другой жизни не гожусь», — заключает: «Может быть, в самом деле он ни на что уж больше и не годен, как для кельи и для созерцательной жизни» (*Писемский*; т. 4: 298–299). В сцене прощания героев в конце второй части романа Вихров «крепко обнял приятеля и почти с нежностью поцеловал его: он очень хорошо понимал, что расстается с одним из честнейших и поэтичнейших людей, каких когда-либо ему придется встретить в жизни» (*Писемский*; т. 4: 300).

Тематических переключек между двумя романами — «Люди сороковых годов» и «Бесы» — немало. Шекспировские мотивы, как известно, широко представлены и в романе «Бесы»: в черновом и окончательном тексте есть многочисленные шекспировские аллюзии, в том числе сравнение Ставрогина с принцем Гарри (отсылка к исторической хронике «Король Генрих IV») и др., см.: (*Д30*; т. 12: 229, 295, 343 и др.). Кроме того, имя Шекспира становится частью идеологической полемики Достоевского с утилитаристскими и позитивистскими теориями, декларированными в 1860-е гг. «Современником» (прежде всего, в работах Н. Г. Чернышевского) и «Русским словом» (Д. И. Писарев, В. А. Зайцев) — журналами, которые писатель в 1864 г. охарактеризовал как «орган умеренных нигилистов» и «орган неумеренных нигилистов» соответственно (см. статью «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (*Д30*; т. 20: 102)). В «Бесах» существенное значение приобретает полемика «по эстетическим вопросам (что выше: сапоги или Шекспир и Пушкин), подготовленная публицистикой Достоевского 1860-х годов» (*Д30*; т. 12: 215, 311–312, примеч. В. А. Туниманова, Т. И. Орнатской; см. также: [Левин], [Захаров, 2008: 267–273]; [Захаров, 2009], [Бузина], [Степанян: 57–67]).

Как следует из текста романа «Бесы», Степан Трофимович Верховенский начал преподавать в конце 1840-х гг. Герой Писемского Павел Вихров отказался от службы и выбрал литературное поприще, а к концу сороковых уже печатался. Автор замечает:

«1848 год был страшный для литературы. Многое, что прежде считалось позволительным, стало казаться возмущающим, революционным, подкапывающим все основы государства; литераторов и издателей призывали и делали им внушения. Над героем моим, только что выпорхнувшим на литературную арену, тоже разразилась беда: напечатанная повесть его наделала шуму, другой рассказ его остановили в корректуре и к кому-то и куда-то отправили; за ним самим, говорят, послан был фельдъегерь, чтобы привезти его в Петербург» (*Писемский*; т. 5: 151).

Несмотря на то что основное действие «Бесов» приходится на более позднее время, 1860-е гг., этих героев объединяет мотив гонений за вольнодумство — Верховенский-старший тоже ждет ареста и отправки в Петербург (мотив этот есть и в черновиках к роману):

«— Тут наверно телеграмма из Петербурга была, — сказал вдруг Степан Трофимович.

— Телеграмма! Про вас? Это за сочинения-то Герцена да за вашу поэму, с ума вы сошли, да за что тут арестовать?

Я просто озлился. Он сделал гримасу и видимо обиделся — не за окрик мой, а за мысль, что не за что было арестовать.

— Кто может знать в наше время, за что его могут арестовать? — загадочно пробормотал он» (*Д35*; т. 10: 365).

В обоих романах среди действующих лиц есть губернатор. У Писемского это генерал-майор Мохов, персонаж, наделенный типичным набором отрицательных характеристик: закоснелый, погрязший в пороках чиновник, преследующий Вихрова за его честность и нежелание бездумно исполнять любые указы³¹. «Глубоко комическая и нелепая фигура» [Чирков: 158] губернатора фон Лембке в «Бесах» лишена этой типизированности изображения, в том числе благодаря психологической тонкости описания и раскрытию личной истории героя.

³¹ В Вихрове как «человеке сороковых годов» раскрываются определенные авторские установки: «Либеральный утопизм сознания Писемского сводится к формуле "честная служба" и "здравый смысл" как основа государственности, причем первая часть — "честная служба" — относится к "образованному сословию"; вторая — "здравый смысл" — отсылает ко всему укладу народной жизни и призвана утвердить главенство народного мирозерцания над интеллектуальным хаосом оторванной от национальных корней интеллигенции (идея узнаваемо почвенническая, но с поправкой на либерализм Писемского — своего рода институциональное почвенничество)» [Синякова, 2009а: 20].

Мотив пожара (поджога) — у Писемского лишь мельком звучит в одном из диалогов (*Писемский*; т. 5: 119–120), у Достоевского становится ключевым звеном в романной истории. Объединяет романы и мотив «покражи церковных вещей» — Вихрову об этой покраже рассказывает арестант, осужденный за содеянное³² (*Писемский*; т. 5: 238–240), в «Бесах» о святотатстве Федьки Каторжного повествует хроникер (*Д35*; т. 10: 278).

В обоих произведениях имеются эпизоды посещения героями монастыря (содержание которых при этом совершенно различно, ср.: (*Писемский*; т. 5: 139–145)). В сцене в монастыре (глава «У Тихона» из романа «Бесы») появляется важная деталь — сломанное Ставрогиным «маленькое распятие изъ слоновой кости» (Список А. Г. Достоевской, ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 31, ср. в Гранках: РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 13; *Д35*; т. 11: 49, 86, 89). У Писемского «костяное распятие» упоминается при описании комнаты Неведомова, но в данном случае важна другая смысловая параллель — разрушенная Вихровым по указу губернатора раскольничья моленная³³ (*Писемский*; т. 5: 234, 244–256). Ставрогин, вспомнив о нанесенном «убытке», светски интересуется: «Что́ эта штука, рублей двадцать пять стоит?» (Список А. Г. Достоевской, ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 35; *Д35*; т. 11: 89). Вихров с нескрываемой печалью переживает произошедшее с ним:

«Все кончено, я, как разрушитель храмов, Александр Македонский, сижу на развалинах. Смирный народ мой поершился было немного, хотели, кажется, меня убить, — и я, кажется, хотел кого-то убить. Завтра еду обратно в губернию. На душе у меня очень скверно» (*Писемский*; т. 5: 256).

Любопытно, что в романах есть упоминание об Иване-Царевиче. В «Бесах», как мы помним, оно принадлежит Верховенскому-младшему, который пытается втянуть Ставрогина в свои интриги, — «на убежденности в способности Николая Всеволодовича как бы увенчать собою хаотические, преступные связи между людьми и тем самым оправдать идею всеобщей смуты, в частности, построен "план" Петра Верховенского» [Кашурников: 64]:

«...Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?
— Кого?
— Ивана-Царевича.
— Кого-о?
— Ивана-Царевича; вас, вас!» (*Д35*; т. 10: 360).

³² Писемский мог опираться в этом эпизоде на сказания о чудотворных иконах, см. подробнее: [Лепяхин: 148–150].

³³ Автобиографический мотив: «В качестве чиновника особых поручений, А. Ф. Писемский был назначен секретарем Совестьного Комитета и, в течение почти двухлетней службы в этой должности, ему лично пришлось провести несколько дел по преследованию старообрядцев и уничтожению их моленных» [Виноградов: 2]. См. также: [Тимашова: 49–50].

У Писемского об Иване-Царевиче говорят оброчный подрядчик Макар Григорьев Синькин и студент Замин:

«— <...> Вот хоть бы тоже и промеж нас, мужиков, сказки эти разные ходят; все это в них рассказываются глупости одни только, как я понимаю, какие-то там Иван-царевичи, Жар-птицы, Царь-девицы — все это пустяки, никогда ничего того не было.

— Самого-то Ивана-царевича не было, но *похожий на него какой-нибудь князь* на Руси был; с него вот народ и списал себе этот тип! — вздумал было втолковать Макару Григорьеву Замин» (*Писемский*; т. 5: 46, курсив наш. — Н. Т.).

Со Ставрогиным Неведомова сближает финал — герои кончают самоубийством (о самоубийстве Неведомова говорят его друзья). Хотя причины такой развязки и содержательное наполнение этих образов разные, персонажей объединяет свойственное им *отрицание жизни*. В образе Ставрогина эта черта отмечена давно — в частности, об этом писал преп. Иустин (Попович): «Все чуждо Ставрогину, и он чужд всему. Его, оледеневшего от жизненного ужаса, не соединяет с миром ни один нерв любви. Он не может ужиться с этим миром. Нечто беспредельно роковое и мрачное не дает ему наладить связь, мысленную или чувственную, между собой и вселенной. <...> Ставрогин — ледяное и жуткое Nicht-Sagung³⁴ этому миру, из него истекает только отрицание» [Иустин (Попович): 74–75]³⁵. Содержание образа Неведомова в этом случае могла бы прояснить параллель с другим героем «Бесов» — Шатовым.

IV

Неведомов и Шатов

Даже сами фамилии названных персонажей образованы по одному семантическому принципу — недостаточности признака: фамилия Шатов ассоциируется со значением «неустойчивости» (см. подробнее: (Д30; т. 12: 232), а также: [Альтман: 102–105]), Неведомов — со значением «неведения» (на происхождение от слова «ведать», а не «водить», в данном случае указывает буква «ѣ» в корне слова).

В Д30 фамилия Шатов возводится к черновикам «Преступления и наказания»: «В черновых вариантах романа мы находим и фамилию Шатов (см.: наст. изд., т. VII, стр. 93)» (Д30; т. 12: 232). Это не так: фамилии Шатов

³⁴ Примеч. в цитир. источнике: Nicht-Sagung (нем.) — букв.: неговорение.

³⁵ По выражению С. И. Гессена, «сознание жизни вытеснило у Ставрогина самое жизнь»: «Из гордости и презрения к людям Ставрогин готов нести тяжесть своего каприза. Он готов наказать себя, но он не может сострадать, не может нести бремени любви и, стало быть, также и бремени жизни. Для этого он слишком уединен, и нет веры в его равнодушном сердце» [Гессен: 65, 63].

в черновом тексте романа «Преступление и наказание» нет. Ошибка прочтения рукописи появляется в первой публикации черновиков романа, подготовленной И. И. Гливенко:

«Это неверно³⁶ (...) возражаетъ одинъ
Мы не знаемъ Шатовъ» [Гливенко: 164].

В последующих публикациях ошибка повторена.

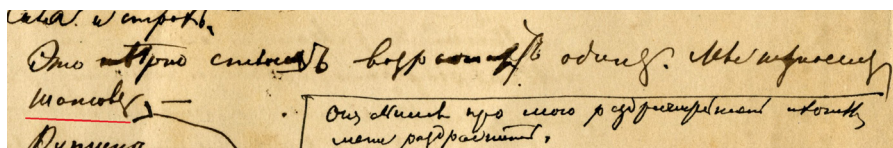
Лит. памятники: «Это неверно страх <?> — возражает один. Мы не знаем. Шатов» [Опульская, Коган: 503; фамилия получает комментарий, см. с. 786].

Д30: «— Это неверно. — Согласен, — возражает один. — Мы не знаем. Шатов» (*Д30*; т. 7: 93).

Д35: «<—> Это неверно сплошь, — возражает один. — Мы не знаем шансов. Шатов —» (*Д35*; т. 7: 193).

В рукописи:

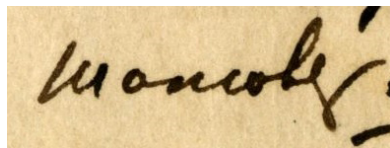
«Это невѣрно сплошь возражаетъ одинъ. Мы незнаемъ
шансовъ —» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 151) (см. Илл. 3).

Илл. 3. Черновой набросок к роману «Преступление и наказание»

Fig. 3. First draft for the novel "Crime and Punishment"

Рассмотрим слово в увеличенном изображении (см. Илл. 4):

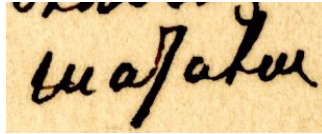
Илл. 4. Написание «шансовъ»

Fig. 4. The word "шансовъ"

Слово записано со строчной буквы и является частью фразы «Мы не знаемъ шансовъ». Графически оно действительно похоже на написание «Шатовъ». Но если сравнить это написание с другими, то отличия становятся очевидными.

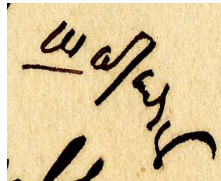
³⁶ Так — без «Ѣ» — в тексте публикации.

Однокоренные слова к «Шатовъ» из той же записной тетради (см. Илл. 5–6):

Илл. 5. Написание «шатался» (с. 43 автографа)

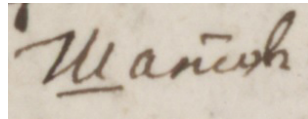
Fig. 5. The word “шатался” (p. 43 of the workbook)

Илл. 6. Написание «шатаюсь» (с. 52 автографа)

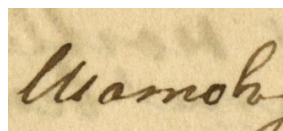
Fig. 6. The word “шатаюсь” (p. 52 of the workbook)

Фамилия «Шатовъ» в черновых записях к роману «Бесы» (см. Илл. 7–9):

Илл. 7. Написание «Шатовъ» (ОР РГБ. Ф. 93. I. 1. 5. С. 1)

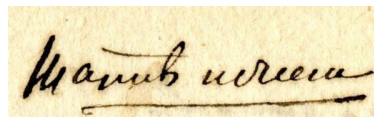
Fig. 7. The word “Шатовъ” (Russian State Library. F. 93. I. 1. 5. P. 1)

Илл. 8. Написание «Шатовъ» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. С. 14)

Fig. 8. The word “Шатовъ”

(Russian State Archive of Literature and Art. F. 212. 1. 8. P. 14)

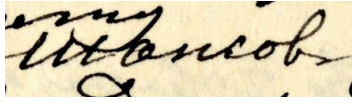

Илл. 9. Написание «Шатовъ и жена» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 9. С. 8)

Fig. 9. The note “Шатовъ и жена”

(Russian State Archive of Literature and Art. F. 212. 1. 9. P. 8)

Сравним с написанием слова «шансовъ» (см. Илл. 10):

Илл. 10. Написание «шансовъ» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 75 об.)

Fig. 10. The word “шансовъ”. Russian State Archive of Literature and Art. F. 212. 1. 11. 75 folio verso)

Из примеров ясно, что при сходстве написаний «шансовъ» и «Шатовъ» есть графические нюансы, позволяющие различить эти слова: прежде всего, это надстрочные и выносные штрихи в вариантах написания буквы «т», больший наклон штрихов и скругление при написании буквы «с» в слове «шансовъ», а также более крупное написание заглавной буквы «Ш» в слове «Шатовъ».

Таким образом, на этапе создания романа «Преступление и наказание» фамилии Шатов еще не было в планах Достоевского, она возникла позднее в период работы над «Бесами», причем не сразу, так как первый вариант именованного героя, как следует из черновых рукописей произведения, — Шапошников.

И в романе «Люди сороковых годов», и в «Бесах» звучит тема славянофильства и западничества. Шатова называют славянофилом оба Верховенские, старший и младший (Д35; т. 10: 34, 511), и он сам говорит о себе с усмешкой: «За невозможностью быть русским, стал славянофилом» (Д35; т. 10: 486). Как отмечено в Д30, «резкие выпады против Белинского в черновых записях к “Бесам” обычно вложены в уста славянофила Шатова, ведущего полемику с Грановским (С<тепаном> Т<рофимовичем> Верховенским) или Нечаевым (П<етром> Верховенским), и имеют ту же ярко выраженную антизападническую направленность, что и реплики против Грановского или Тургенева» (Д30; т. 12: 168, примеч. Н. Ф. Будановой). В романе Писемского также затрагивается указанная тема, но заметно более поверхностно, что, по-видимому, соответствует авторской установке. Славянофилом один раз называют Вихрова, с чем он неохотно соглашается (Писемский; т. 5: 417). В разговоре о западниках и славянофилах Неведомов критически отзываясь о Белинском: «— Хороши и противники-то их (славянофилов. — Н. Т.) — западники, — сказал своим грустным голосом Неведомов. — Какое высокое дарование — Белинский, а и того совсем сбили с толку; последнее время пишет все это, видно, с чужого голоса, раскидался во все стороны» (Писемский; т. 4: 265)³⁷.

³⁷ Обращение к славянофильской проблематике в романе Писемского было мотивировано программными установками неославянофильской «Зари», где это произведение публиковалось, см.: (Писемский; т. 4: 303–304, примеч. А. П. Могиланского). Об отношении Писемского к славянофильству см. также: [Синякова, 2011: 405].

Как было сказано, каллиграфическая пропись «Невѣдомовъ» сделана до появления набросков на странице рабочей тетради Достоевского и, скорее, сопутствует обдумыванию романного замысла, относясь не только к заметкам, находящимся поблизости от нее, хотя часть этих заметок стоит всё же процитировать. Фамилия Неведомов находится на странице со следующим текстом:

«Или:

Женщина хромоножка втайнѣ, отношенія, поручикъ просящій на милость —
Мечты объ убійствѣ
И о монастырѣ. Изнасилъничаніе.³⁸

NB) О Нечаевѣ подѣ сомнѣніемъ?³⁹

16 Августа⁴⁰ Князь — мрачный, страстный, демоническій и беспорядочный характеръ, безо всякой мѣры, съ высшимъ вопросомъ, дошедшимъ до быть или не быть? Прожить или истребить себя? Остаться на прежнемъ по совѣсти и суду его невозможно, но онъ дѣлаетъ все прежнее и насильничаетъ.

— Красавица отдавшаяся ему (за границей) дѣлаетъ теперь видъ, что его презираетъ. Не смотря на всѣ его страданія и вопросы, онъ, не любя ее, все-таки находитъ тайное и чрезвычайное наслажденіе выжидать пока она утомится и придетъ къ нему сама, чтобъ тогда [отк<азать>] имѣть удовольствіе отказать ей.

— Его поражаетъ что она влюбилась въ Шатова, но онъ дѣлаетъ видъ, что радъ тому и способствуетъ ей въ любви къ Шатову.

— Дѣлаетъ видъ, что влюблена въ Картузова и нѣкоторое время ей даже пріятно, что всѣ дивятся ея страсти къ Картузову ([даже] {нѣкоторое время очень} серьезно хочетъ выдти. Но бросается къ Шатову и проситъ его убить Князя)

— Князь ей только тогда объявляетъ обнаженно свое положеніе и хромоножку.

— Отношенія къ воспитанницѣ: Воспитанницѣ онъ за границей открылъ одной въ какомъ онъ положеніи. Это показываетъ до какой степени воспитанница поразила его. Воспитанница

³⁸ Далее знак: ////

³⁹ Текст: NB) О Нечаевѣ подѣ сомнѣніемъ? — обведен чертой.

⁴⁰ Записи относятся к 1870 г.

сама это чувствует и по {тому} факту что такой мрачный и гордый человек открылъ ей такой секретъ — поняла степень своего вліянія на него. Она его полюбила. Но онъ думаетъ что она не можетъ догадаться о томъ, что онъ ее любитъ. Клевету объ ея связи съ нимъ она приняла съ презрѣніемъ и подозрѣваетъ что происходитъ она отъ Красавицы. Она знаетъ что Красавица его любитъ и увѣдомляетъ его объ этомъ, но знаетъ, что Князь ею наслаждался, а теперъ возненавидѣлъ. (Нѣкоторое время она даже ревновала его). О хромоножкѣ, переселившейся къ нимъ, она увѣдомляетъ его (полюбила хромоножку)⁴¹. За Ст<епана> Т<рофимови>ча сначала выходила въ отчаянье, но потомъ, вдругъ когда онъ пріѣхалъ въ слѣдствіе письма Ст<епана> Т<рофимови>ча, она получивъ отъ него приказаніе — отказала Ст<епану> Т<рофимови>чу⁴². Онъ просилъ ее подождать и объявилъ [что] ей, что она ему нужна. Она изумилась его словамъ, но испугалась, чтобъ онъ не убилъ хромоножку» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 33).

В этом фрагменте разрабатываются сюжетные линии, связанные с Князем (Ставрогиным), Хромоножкой (Лебядкиной), Красавицей (Лизой Тушиной), Шатовым и Воспитанницей (Дарьей, сестрой Шатова). Образ Князя уже видится как «мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом, дошедшим до быть или не быть?», появляются многие мотивы, нашедшие впоследствии отражение в окончательном тексте романа.

Имеют значение и наброски на левой стороне тетрадного разворота, под датой 15 августа <1870 г.>:

«Шатовъ другъ. Она родитъ у Шатова.

Но Шатовъ объяснился въ любви и она къ Картузову — потому что Шатовъ въ ея глазахъ получаетъ другое значеніе и она чувствуетъ, что можетъ полюбить его. —

Князя-же ненавидитъ

Тотъ-же тоскуетъ и хочетъ застрѣлиться —

Тихонъ —

— Она узнала что Князь женатъ и потому возненавидѣла

(На комъ женатъ? Не на воспитанницѣ-ли?)

(NB Нѣтъ)

А въ Петербургѣ, въ углахъ. Жена въ городѣ гдѣ-то

(? На Картузовой? или на Нигилисткѣ⁴³)

⁴¹ Текст отчеркнут слева карандашом, поверх знак: ×

⁴² Текст отчеркнут слева карандашом, рядом знак: ×

⁴³ Далее фигурная скобка.

Или: Она отъ Князя беременна
 Но его возненавидѣла
 влюбилась въ Шатова
 Но борясь съ чудовищностью страсти въ Шатовѣ, по психологическому
 обороту, хочеть серьезно выдти за Картузова.
 (Князю-же съ самага прїѣзда его отказала, не смотря что отъ него
 беременна)
 Но въ послѣднія мгновенія, понимая чудовищность съ Картузовымъ
 Прибѣгаетъ къ Шатову разродиться (была его врагомъ)
 И чтобъ онъ ее принялъ, не какъ жену, но какъ рабу изъ состраданія

Или? можетъ быть не беременна. —
 Ненавидитъ на воспитанницу⁴⁴ и клевететь на нее⁴⁵»
 (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 32).

В этих набросках появляется мотив соблазненной Князем Красавицы, забеременевшей от него и приходящей «к Шатову разродиться». В окончательном тексте романа эта сюжетная коллизия отражена, но в роли соблазненной выступает собственная жена Шатова — в более поздних черновых записях она так и обозначена: «Шатовъ заложилъ револьверъ когда жена пришла родить —» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 16), «Затѣмъ къ Шатову прїѣзжаетъ жена родить» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 59), «Шатовъ револьверъ заложилъ когда жена пришла родить» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 44).

Этот мотив присутствует и в других записях Достоевского: в неосуществленном замысле «<Роман об атеисте (ростовщике)>» (в Д30 опубликован под заголовком «<Роман о князе и ростовщике>») (датируется концом 1869 — февралем 1870 г.): «Князь — завистливый, желающій высокаго челоуѣческаго достоинства даромъ, гордый безъ права на то, лицо страдальческое; влюбленъ въ невѣсту, которую и отбиваетъ у него Ростовщикъ. (NB. Онъ сдѣлалъ брюхо и дѣвушку съ брюхомъ передалъ учителю» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 2); в плане «Мысль на лету» (1870, по-видимому, возник уже в период работы над «Бесами» — см.: (Д35; т. 9: 1014–1017)): «Жена, бывшая на содержаніи {у фельдмаршала}, отданная имъ съ вознагражденіемъ мужу-учителю, кружитъ ему голову, заставляетъ его оскорбить [свою] {его} мать, убиваетъ фельдмаршала, заставляетъ мужа драться на дуэли съ оскорбителемъ (однимъ молодымъ княземъ, любовникомъ ее на минутку). Переворачиваетъ всю губернію. Умираетъ наконецъ при рыдающемъ мужѣ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 56)⁴⁶.

⁴⁴ Вероятно, описка. Следует читать: Ненавидитъ воспитанницу

⁴⁵ Далее знак: ///

⁴⁶ Помимо указанных ассоциаций с «Бесами», данный эпизод отсылает к мотивам романа «Идиот»: Настасья Филипповна, бывшая на содержании у Тоцкого; попытки последнего «передать» ее Гане Иволгину; оскорбленное готовящимся браком с «двусмысленной женщиной» семейство Иволгиных.

Здесь следует вспомнить, что и Шатов учительствует: в романе сообщается, что он, вместо того чтобы принять покровительство Варвары Петровны, «предпочел закабалиться к какому-то цивилизованному купцу учить детей» (Д35; т. 10: 27), — и в этой же роли выступает Неведомов Писемского:

«— Разве у него нет состояния?

— Никакого!.. Так себе перебивается кой-какими урочишками, но и тех ему мало дают: потому что, по костюму, принимают его — кто за сумасшедшего, а кто и за бродягу» (Писемский; т. 4: 178).

При некотором сходстве героев⁴⁷ (как и в случае со Ставрогиним), именно тема любви и ее трактовка показывают существенное различие между ними. Неведомов влюблен в Анну Ивановну, девушку, которая живет в номерах мадам Гартунг, где квартируют и он с Вихровым. Анну Ивановну соблазняет их общий знакомый Салов. Неведомов отворачивается от своей возлюбленной, не будучи в состоянии простить ее, хотя, как следует из разговоров между героями, она пытается возобновить отношения (Писемский; т. 4: 252).

Между Вихровым и Неведомовым после этого происходит красноречивый спор:

«— Вы, Неведомов, — убеждал его Вихров, — человек добрый, высоко-нравственный; *вы христианин, а не фарисей; простите эту простодушную грешницу.*

— Нет, не могу! — сказал Неведомов, снова садясь на диван и закрывая себе лицо руками.

— Неведомов! — воскликнул Павел. — *Это, наконец, жестокосердно и бесчеловечно.*

— Может быть, — произнес Неведомов, закидывая голову назад, — но я больше уж никогда не могу возвратиться к прежнему чувству к ней» (Писемский; т. 4: 253, курсив наш. — Н. Т.).

В более раннем разговоре с Вихровым Неведомов замечает, что «главным достоинством всякой женщины» является «целомудрие» (Писемский; т. 4: 239):

«Пушкин очень любил и знал хорошо женщин, и тот, однако, для романа своего выбрал совершенно безупречную женщину!.. Сколько вы ни усиливайте вашего воображения, вам выше Татьяны — в нравственном отношении — русской женщины не выдумать»⁴⁸ (Писемский; т. 4: 240).

⁴⁷ Их социальный статус, однако, различен: Неведомов — дворянин и кончил курс университета, а Шатов «родился крепостным Варвары Петровны», из университета был отчислен «после одной студентской истории» (Д35; т. 10: 27).

⁴⁸ Исследователи указывают на то, что это мнение разделял и сам Писемский, см. подробнее: [Тимашова: 102, 105–106, 124]. См. также: [Смирнова], [Зайцева, 2007b].

Когда Вихров отговаривает Неведомова от ухода в монастырь, он вспоминает эту историю и заявляет, что Неведомов отказался от шанса вернуть любовь, оттолкнув ее: «Хоть бы та же Анна Ивановна, она стала бы любить вас всю жизнь, если бы вы хоть частицу возвратили ей вашего прежнего чувства» (*Писемский*; т. 4: 298)⁴⁹.

История Неведомова заканчивается драматически. Анна Ивановна несчастливо выходит замуж и спустя некоторое время умирает. Вихрову сообщают, что Неведомов «об этом узнал, был у нее даже на похоронах, потом готовился уже постричься в большой образ, но пошел с другим монахом купаться и утонул — нечаянно ли или с умыслом, неизвестно⁵⁰; но последнее, кажется, вероятнее, потому что не давал даже себя спасти товарищу». «Слишком идеален, слишком поэт был; он не мог жить и существовать на свете» (*Писемский*; т. 5: 147), — заключает Вихров.

Достоевский, как следует из романа «Бесы», совершенно иначе раскрывает тему — его Шатов прощает блудную жену, прижившую ребенка от Ставрогина, и с радостью и душевным трепетом принимает дитя:

«— Тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая, Арина Прохорова, и как жаль, что вы этого не понимаете!

Шатов бормотал бессвязно, чадно и восторженно. Как будто что-то шаталось в его голове и само собою без воли его выливалось из души.

— Было двое, и вдруг третий человек, новый дух, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нет ничего выше на свете!» (*Д35*; т. 10: 504).

Это чувство любви, прощения и сострадания, живое участие в судьбе ближнего, нуждающегося в помощи и понимании, осознание причастности замыслу Божию придают характеру Шатова ту художественную глубину, которая и составляет сущность «реализма в высшем смысле»⁵¹ в произведениях Достоевского: его герои не схематичны и способны вместить всю сложность, многообразие и противоречивость человеческого бытия.

Н. А. Бердяев писал о том, что «искусство Достоевского все — о глубочайшей духовной действительности, о метафизической реальности, оно менее

⁴⁹ О внутреннем конфликте в характере Неведомова см.: [Тимашова: 128, 142, 145].

⁵⁰ Описание смерти Неведомова напоминает событие, произошедшее годом раньше — летом 1868 г. — и обсуждавшееся в литературно-журнальной среде: смерть критика и публициста Д. И. Писарева, утонувшего в Риге во время купания. В этом случае также ходили слухи о возможном самоубийстве из-за несложившейся личной истории. См. подробнее: [Щербаков].

⁵¹ См.: «Я — При полномъ реализмѣ найти въ челоуѣкѣ челоуѣка. Это русская черта по преимуществу и въ этомъ смыслѣ я конечно народенъ, (ибо направление мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго) — хотя и не извѣстенъ русскому народу теперешнему, но буду извѣстенъ будущему. —

Меня зовутъ психологомъ: неправда<, > я лишь реалистъ въ высшемъ смыслѣ, т. е. изображаю всѣ глубины души челоуѣческой» (РГАЛИ. Ф. 212.1.17. С. 29; ср.: (*Д30*; т. 27: 65)).

всего занято эмпирическим бытом» [Бердяев: 21–22] (см. также: [Натова]). Здесь стоит вспомнить, что, признавая в Писемском талант бытописания⁵², критика зачастую отказывала его произведениям в художественности и «в возможности его подняться над чисто бытовой сферой изображения» (см. подробнее: [Тимашова: 3–11], также: [Синякова, 2011: 411–413]). Наиболее показателен в этом отношении отзыв Н. В. Шелгунова, в наши дни, впрочем, характеризующийся как конъюнктурный⁵³. Шелгунов считал, что автор романа «Люди сороковых годов» «рисует портреты грубым помелом, а для анализа человеческой души и пробудившегося женского сознания нужна кисть тонкая, сознательная и красок очень много. Г<осподин> Писемский же маляр, хотя искусный, а все-таки маляр, немедленно стусеивающийся, когда приходится рисовать живых людей с печатью мысли и чувства на лице». По мнению критика, Писемский «оказался не в состоянии подойти даже издали к эпохе, летописцем которой он задумал явиться. Вместо широкой, всеобъемлющей картины с грандиозными героями, соответственными русскому порыву, <...> дал формулярные списки шести человек, кондуитные списки четырех женщин и рассказал несколько случаев из былой полицейской практики»⁵⁴.

⁵² Ср.: «Писемский демонстрирует мастерство прирожденного бытописателя, создавая главы, сходные по своей жанровой структуре с произведениями натуральной школы — физиологическим очерком, повестью, диалогической сценкой и т. д.», «Мастерство Писемского в создании крестьянских образов единодушно признавалось критиками» [Тимашова: 41, 161]. См. также: [Синякова, 2011: 408], [Круглова, 2006: 133].

⁵³ Ср.: «На первых порах ожидаемый публикой и по мере публикации получавший одобрение редакции "Зари" роман "Люди сороковых годов" через некоторое время был низведен до уровня неудачного беллетристического произведения. Публикация его в славянофильском журнале настроила против Писемского весь демократический лагерь. Журнал "Дело" до выхода "Зари" и при появлении первых номеров обвинил издание в поклонении монархии. Разгромная статья Н. В. Шелгунова "Люди сороковых и шестидесятых годов" появилась в "Деле" в № 9–12. Шелгунов начинает её с общего образа похорон писателей, воспитанных эстетической критикой, а теперь заживо погребённых. К таким писателям он относит Гончарова, а за ним и Писемского, фактически лишая последнего какого-либо таланта...» [Андреева: 675].

⁵⁴ Н. Ш. <Шелгунов Н. В.> Люди сороковых и шестидесятых годов: (По поводу романа г. Писемского «Люди сороковых годов». Заря, 1869 г.) // Дело. 1869. № 10. С. 32, 38. См. также: (Писемский; т. 4: 306, примеч. А. П. Могиланского).

А. И. Кирпичников в своей лекции о Писемском и Достоевском судил иначе, ср.: «Я ничего не скажу о позднейших произведениях Писемского: о его больших романах и обличительных и исторических драмах не потому, чтобы я всецело разделял мнение враждебной ему критики: по моему мнению, во всяком романе его есть живые типы и живые и сильные сцены и во всякой даже памфлетной его драме есть одно величайшее для драмы достоинство — сценичность; но потому, что в моем беглом очерке я должен ограничить себя или произведениями, вполне художественными, в которых сказался целый талант, а не крупинки его, или такими, которые при крупных недостатках имели большое влияние на современников. Здесь же не было ни того, ни другого. Хотя романы и драмы Писемского были значительно выше десятков произведений, которые прогремели в конце 60-х и в 70-х годов, под влиянием установившихся в критике взглядов, их мало смотрели и мало читали, да и читая только "покивали главами"».

В современных работах получил развитие более многосторонний взгляд на Писемского, творческий метод которого, по мнению исследователей, отличается специфическими чертами, определяющими особенности поведения⁵⁵. Отмечено, что в произведениях Писемского «порою отсутствует доминанта в обрисовке характера» [Круглова, 2008: 9], персонажи подчеркнута статичны [Зайцева, 2007а: 4–5]. «Определяющим отличием "человека Писемского"» от художественных типов, появляющихся у других авторов, считается «его быто-культурная "заземленность", укорененность в ментальном и бытовом пространстве русской провинции», при этом «человек в прозе Писемского — "низовая" проекция высоких художественно-концептуальных образцов, разрабатываемых великими современниками писателя, вместе с тем сохраняющая их духовную и интеллектуальную энергию» [Синякова, 2009а: 30] (см. также: [Синякова, 2008: 93]).

В немногочисленных работах, затрагивающих вопросы характерологии в творчестве Писемского и Достоевского, подчеркивается разность философско-эстетических позиций писателей: «В художественном мире "Бесов" действуют иные люди, чем в полемических романах Писемского, Тургенева и Гончарова. Имморализм Ставрогина, экзистенциал<изм> человекобога Кириллова или "половинчатое" почвенничество Шатова указывают на катастрофизм сознания русского человека рубежа 1860–1870-х гг., его не только историческую, но и религиозно-философскую дезориентированность.

В романе Писемского нет и не может быть демонических персонажей наподобие Ставрогина и его взаимоотношающихся проекций Кириллова и Шатова. Философия человека у Писемского не подразумевает абсолютной, метафизической раздвоенности человеческого духа» [Синякова, 2009а: 19] (см. также: [Синякова, 2009b]).

Как заметил еще Н. К. Михайловский в 1881 г., Писемский и Достоевский едва ли соизмеримы⁵⁶, слишком различны они по содержанию и направленности художественного дарования, месту в литературе и читательском

В 70-х годах я познакомился с Писемским и бывал у него почти во всякий свой приезд в Москву; видал его и в мрачные и в светлые минуты; всегда поражал он меня ясностью своего огромного ума, силою своего резкого чисто народного остроумия. Но всегда после беседы с ним получалось в общем тяжелое, тоскливое чувство. Нельзя было не сознавать, что это остатки былого величия, что богатырский талант сошел со старой дороги, а новой не может найти <...>. И немало других, хоть и меньшего объема талантов и честных литературных деятелей погибло преждевременно по разным причинам в приснопамятную эпоху 60-х годов. Что делать! Таково неперемное условие всякого крупного исторического перелома.

Но не погиб Достоевский...» [Кирпичников: 69–70].

⁵⁵ Определяя специфику творческой манеры Писемского, исследователи указывают и на биографическую составляющую: «...влияние отца, с его культом "здорового смысла", расчетливостью и грубоватостью, причудливо переплелось в натуре будущего сочинителя с поэтичностью воззрений матери» [Синякова, 2011: 402].

⁵⁶ Ср.: «Всегда грубоватая и как бы даже щеголявшая своей внешнею грубостью и внутреннею неряшливостью, муза Писемского под конец совсем замолкла. <...> Совсем другое дело Достоевский. <...> ...общий интерес в его художественной деятельности, за

восприятию. Возможно, поэтому работ, посвященных такому сравнению, до сих пор немного. Сопоставительный анализ приведенных выше фактов убеждает в том, что Достоевский, осмысливая содержание романа Писемского и его характеры, создавал при разработке замысла «Бесов» свою, совершенно оригинальную с точки зрения художественной реализации, систему образов. Каллиграфическая пропись «Невѣдомовъ» стала частью писательских размышлений Достоевского над сюжетными коллизиями и героями его собственного романа, когда вырисовывались их главенствующие черты. И в этом взаимодействии образов и идей тип «человека сороковых годов», отчетливо обозначенный еще в черновом тексте «Бесов» и традиционно ассоциированный прежде всего с Т. Н. Грановским, осмысливался Достоевским не только в историческом, но и в широком литературном контексте, частью которого стал и роман Писемского.

Список литературы

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 279 с.
2. Андреева В. Г. Государство, власть, народ и человек в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 670–683.
3. [Баршт К. А.] Текстологическое исследование записных тетрадей Ф. М. Достоевского к роману «Бесы»: дипломатическая транскрипция / подгот. К. А. Баршт [и др.]. СПб.: Наука, 2021. 581 с. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
4. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
5. Бузина Т. В. На путях самообожения у Достоевского и Шекспира (Ставрогин, Гамлет, принц Гарри) // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2010. № 27. С. 142–154.
6. Виноградов Н. Н. Алексей Феофилактович Писемский: материалы к его биографии и выяснения процесса творчества. Пг.: Тип. Императорской академии наук, 1917. 29 с.
7. Гессен С. И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина) // Путь. 1932. № 36. (Дек.). С. 44–74.
8. [Гливенко И. И.] Из архива Ф. М. Достоевского: Преступление и наказание. Неизданные материалы / подг. к печати И. И. Гливенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 217 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998.
10. [Долинин А. С.] Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы: материалы по истории литературы и общественному движению / под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цеховицера; Акад. наук СССР, Ин-т лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 255–280.

некоторыми перерывами, возростал до самой его смерти, а этого далеко нельзя сказать о большинстве его блестящих сверстников.

Я просто отмечаю факт, и не думаю мерять Достоевского с кем бы то ни было, всего меньше с Писемским, хотя их единовременная смерть невольно наталкивает на сравнения и параллели» (Н. М. <Михайловский Н. К.> Записки современника // Отечественные записки. 1881. № 2. Отд. II. С. 243).

11. Долинин А. С. Последние романы Достоевского: как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 344 с.
12. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Письма / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. I: 1832–1867. 590 с.
13. [Опульская Л. Д., Коган Г. Ф.] Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание / изд. подг. Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М.: Наука, 1970. 808 с. (Сер.: Литературные памятники.)
14. Ермолаева Н. Писемский о Шекспире // Русская словесность. 2019. № 1. С. 59–63.
15. Зайцева Е. Л. К вопросу о поэтике психологизма в романной прозе А. Ф. Писемского // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2007. № 1. С. 3–8. (а)
16. Зайцева Е. Л. Художественная концепция человека в поэтике А. Ф. Писемского и пушкинская традиция // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: мат-лы X Виноградовских чтений. М.: МГПУ, 2007. Т. 2. С. 80–85. (b)
17. Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ: монография / отв. ред. Вл. А. Луков; Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований; Межд. акад. наук (IAS). М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. 320 с.
18. Захаров Н. В. Шекспир в тезаурусе Достоевского // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009. Вып. 19. С. 51–60.
19. Звягина С. В. Роль реминисцентного контекста в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 1108–1113.
20. Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве [1931] / перев. с сербск. Л. Н. Даниленко. СПб.: Изд. дом «Адмиралтейство», 1998. 270 с.
21. Кашурников Н. А. Об архетипе царевича в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Серебряный век, 2009. № 26. С. 63–67.
22. [Кирпичников А. И.] Достоевский и Писемский, опыт сравнительной характеристики: (Две публичные лекции). Профессора А. Кирпичникова. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1894. 88 с.
23. Круглова Е. Н. Проблема образа автора в творчестве А. Ф. Писемского // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2006. № 4. С. 130–135.
24. Круглова Е. Н. Художественная позиция А. Ф. Писемского в литературном процессе 1840–60-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.01.01 — Русская литература. Иваново, 2008. 24 с.
25. Лазутин В. В. От памяти к истории: к вопросу о формировании представления о «людях сороковых годов» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 2 (45). С. 101–110.
26. Лазутин В. В. Идеино-поведенческий комплекс «люди сороковых годов» в литературе конца XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 2011. 22 с.
27. Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 108–134.
28. Лепяхин В. Икона в русской литературе XIX века // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2011. № 1/2. С. 147–174.
29. Муратов А. Б. А. Ф. Писемский: из курса лекций по истории русской литературы второй половины XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. Вып. 1. С. 3–17.

30. Натова Н. А. Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 26–45.
31. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. / сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2: Из «Истории русской интеллигенции». Воспоминания. 525 с.
32. [Степанова Г. В.] Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому / публ. Г. В. Степановой // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 239–253.
33. Седов А. В. Исторический характер человека сороковых годов XIX столетия в романах А. Ф. Писемского («Взбаламученное море», «Люди сороковых годов»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Череповец, 1998. 23 с.
34. Сняжкова Л. Н. «Рыцарство» и «мещанство» в художественной концепции романа А. Ф. Писемского «Мещане» // Филология и человек. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. № 1. С. 14–25.
35. Сняжкова Л. Н. Философия человека в творчестве А. Ф. Писемского: проблемы и решения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2008. Т. 7. Вып. 2: Филология. С. 93–98.
36. Сняжкова Л. Н. Проза А. Ф. Писемского в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.: проблемы художественной антропологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.01.01 — Русская литература. Томск, 2009. 33 с. (а)
37. Сняжкова Л. Н. Творчество А. Ф. Писемского в контексте русской литературы 1850–1870-х годов: характерологический аспект // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2009. Т. 8. Вып. 2: Филология. С. 124–128. (b)
38. Сняжкова Л. Н. Культурно-исторический портрет А. Ф. Писемского. Некоторые замечания // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): посв. 45-летию науч. пед. деятельности Е. И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 397–413.
39. Смирнова Л. Л. Пушкин в прозе А. Ф. Писемского // Русская литература. 1999. № 2. С. 189–197.
40. Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский. Герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. 292 с.
41. Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: проблемы изучения. М.: Квадрига, 2015. 190 с.
42. Тимашова О. В. Роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Личность и эпоха: дис. ... канд. филол. наук / 10.01.01 — Русская литература. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 1999. 218 с.
43. Тихомиров Б. Н. Неизвестный замысел критической статьи Ф. М. Достоевского о драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» // Неизвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 3–16 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1544432389.pdf (07.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3741
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.
45. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.
46. Швецова Т. В., Земляникин А. П. Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя (на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 53–60. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-52-59
47. Щербаков В. История болезни Д. И. Писарева // Мир Д. И. Писарева. М.: Наследие, 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 29–49.

References

1. Al'tman M. S. *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestones of Names]. Saratov, Saratov State University Publ., 1975. 279 p. (In Russ.)
2. Andreeva V. G. The State, the Government, the People and the Man in the A. F. Pisemsky's Novel "People of the Forties". In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, no. 28, pp. 670–683. (In Russ.)
3. Barsht K. A. *Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh tetradey F. M. Dostoevskogo k romanu "Besy": diplomaticheskaya transkriptsiya* [Textual Research of F. M. Dostoevsky's Notebooks to the "Demons" Novel: Diplomatic Transcription]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2021. 581 p. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
4. Berdyayev N. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Praga, The YMCA PRESS Ltd. Publ., 1923. 238 p. (In Russ.)
5. Buzina T. V. On the Way to Self-Idolezation by Dostoevsky and Shakespeare (Stavrogin, Hamlet, Prince Harry). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2010, no. 27, pp. 142–154. (In Russ.)
6. Vinogradov N. N. *Aleksey Feofilaktovich Pisemskiy: materialy k ego biografii i vyyasneniya protsessa tvorchestva* [Alexey Feofilaktovich Pisemsky: Materials for His Biography and Clarification of the Creative Process]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1917. 29 p. (In Russ.)
7. Gessen S. I. The Tragedy of Evil (Stavrogin's Philosophical Image). In: *Put'*, 1932, no. 36 (December), pp. 44–74. (In Russ.)
8. Glivenko I. I. *Iz arhiva F. M. Dostoevskogo: Prestuplenie i nakazanie. Neizdannye materialy* [From the Archive of F. M. Dostoevsky: Crime and Punishment. Unpublished Materials]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1931. 217 p. (In Russ.)
9. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 tomakh* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols]. St. Petersburg, Diamant Publ., 1998. (In Russ.)
10. Dolinin A. S. Letters of N. N. Strakhov to F. M. Dostoevsky. In: *Shestidesyatye gody: materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu* [The Sixties: Materials on the History of Literature and Social Movement]. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 255–280. (In Russ.)
11. Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoevskogo: kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ya Karamazovy"* [Dostoevsky's Last Novels: How "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov" Were Created]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 344 p. (In Russ.)
12. Dolinin A. S. *F. M. Dostoevskiy. Pis'ma* [F. M. Dostoevsky. Letters]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928, vol. 1. 590 p. (In Russ.)
13. Opul'skaya L. D., Kogan G. F. *F. M. Dostoevskiy. Prestuplenie i nakazanie* [F. M. Dostoevsky. Crime and Punishment]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 808 p. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
14. Ermolaeva N. Pisemsky About Shakespeare. In: *Russkaya slovesnost'*, 2019, no. 1, pp. 59–63. (In Russ.)
15. Zaytseva E. L. To the Question of the Poetics of Psychologism in A. F. Pisemsky's Novel Prose. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2007, no. 1, pp. 3–8. (In Russ.) (a)

16. Zaytseva E. L. The Artistic Concept of Man in the Poetics of A. F. Pisemsky and the Pushkin Tradition. In: *Tekst i kontekst: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty: materialy X Vinogradovskikh chteniy* [Text and Context: Linguistic, Literary and Methodological Aspects: Materials of the 10th Vinogradov Readings]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2007, vol. 2, pp. 80–85. (In Russ.) (b)
17. Zakharov N. V. *Shekspirizm russkoy klassicheskoy literatury: tezaurusnyy analiz* [Shakespeareanism of Russian Classical Literature: Thesaurus Analysis]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2008. 320 p. (In Russ.)
18. Zakharov N. V. Shakespeare in Dostoevsky's Thesaurus. In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov* [Thesaurus Analysis of World Culture: Collection of Scientific Works]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2009, issue 19, pp. 51–60. (In Russ.)
19. Zvyagina S. V. The Role of Reminiscence Context in A. F. Pisemsky's Novel "People of the Forties". In: *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 5, pp. 1108–1113. (In Russ.)
20. Iustin (Popovich), prepodobnyy. *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky About Europe and Slavism]. St. Petersburg, Admiralteystvo Publ., 1998. 270 p. (In Russ.)
21. Kashurnikov N. A. About the Archetype of the Tsarevich in the Novel the "Demons". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, Serebryanny vek Publ., 2009, no. 26, pp. 63–67. (In Russ.)
22. Kirpichnikov A. I. *Dostoevskiy i Pisemskiy, opyt sravnitel'noy kharakteristiki: dve publichnye lektsii* [Dostoevsky and Pisemsky, the Experience of Comparative Characteristics: Two Public Lectures]. Odessa, Tipolitografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga Publ., 1894. 88 p. (In Russ.)
23. Kruglova E. N. The Problem of the Author's Image in the Works of A. F. Pisemsky. In: *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2006, no. 4, pp. 130–135. (In Russ.)
24. Kruglova E. N. *Khudozhestvennaya pozitsiya A. F. Pisemskogo v literaturnom protsesse 1840–60-kh godov: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [The Artistic Position of A. F. Pisemsky in the Literary Process of the 1840s–60s. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Ivanovo, 2008. 24 p. (In Russ.)
25. Lazutin V. V. From Memory to History: on the Question of Forming an Idea of the "People of the Forties". In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH / RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2010, no. 2 (45), pp. 101–110. (In Russ.)
26. Lazutin V. V. *Ideyno-povedencheskiy kompleks "lyudi sorokovykh godov" v literature kontsa XIX — nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Ideological and Behavioral Complex "People of the Forties" in the Literature of the Late 19th — Early 20th Century. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2011. 22 p. (In Russ.)
27. Levin Yu. D. Dostoevsky and Shakespeare. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 108–134. (In Russ.)
28. Lepakhin V. Icon in the Russian Literature of the 19th Century. In: *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Word.ru: Baltic Accent]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2011, no. 1/2, pp. 147–174. (In Russ.)
29. Muratov A. B. A. F. Pisemsky: From a Course of Lectures on the History of Russian Literature of the Second Half of the 19 Century. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9: Philology. Asian Studies. Journalism], 2006, no. 1, pp. 3–17. (In Russ.)

30. Natova N. A. Dostoevsky's Metaphysical Symbolism. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 26–45. (In Russ.)
31. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. *Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 tomakh* [Literary and Critical Works: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989, vol. 2. 525 p. (In Russ.)
32. Stepanova G. V. Letters of P. I. Weinberg to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 4, pp. 239–253. (In Russ.)
33. Sedov A. V. *Istoricheskiy kharakter cheloveka sorokovykh godov XIX stoletiya v romanakh A. F. Pisemskogo* (“Vzbalamuchennoe more”, “Lyudi sorokovykh godov”): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Historical Character of a Man of the Forties of the 19th Century in the Novels of A. F. Pisemsky (“Troubled Sea”, “People of the Forties”). PhD. philol. sci. diss. abstract]. Cherepovets, 1998. 23 p. (In Russ.)
34. Sinyakova L. N. “Chivalry” and “Philistinism” in the Artistic Concept of A. F. Pisemsky's Novel “The Philistines”. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Human]. Barnaul, Altai State University Publ., 2007, no. 1, pp. 14–25. (In Russ.)
35. Sinyakova L. N. The Philosophy of Man in the Works of A. F. Pisemsky: Problems and Solutions. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2008, vol. 7, issue 2, pp. 93–98. (In Russ.)
36. Sinyakova L. N. *Proza A. F. Pisemskogo v kontekste razvitiya russkoy literatury 1840–1870-kh gg.: problemy khudozhestvennoy antropologii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [A. F. Pisemsky's Prose in the Context of the Development of Russian Literature in the 1840s–1870s: Problems of Artistic Anthropology. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Tomsk, 2009. 33 p. (In Russ.) (a)
37. Sinyakova L. N. Pisemsky's Creative Work in the Context of the Russian Literature of the 1850–1870-s in the Characters Aspect. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. Novosibirsk, 2009, vol. 8, issue 2, pp. 124–128. (In Russ.) (b)
38. Sinyakova L. N. Cultural and Historical Portrait of A. F. Pisemsky. Some Remarks. In: *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka)* [Book and Literature in the Cultural Space of 11th–20th Centuries]. Novosibirsk, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 397–413. (In Russ.)
39. Smirnova L. L. Pushkin in the Prose of A. F. Pisemsky. In: *Russkaya literatura*, 1999, no. 2, pp. 189–197. (In Russ.)
40. Stepanyan K. A. *Shekspir, Bakhtin i Dostoevskiy. Geroi i avtory v bol'shom vremeni* [Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky. Heroes and Authors in the Great Time]. Moscow, Global Kom Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2016. 292 p. (In Russ.)
41. Tarasova N. A. *Khristianskaya tema v romane “Prestuplenie i nakazanie” F. M. Dostoevskogo: problemy izucheniya* [A Christian Theme in the F. M. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”: Problems of Studying]. Moscow, Kvadriga Publ., 2015. 190 p. (In Russ.)
42. Timashova O. V. *Roman A. F. Pisemskogo “Lyudi sorokovykh godov”. Lichnost' i epokha: dis. ... kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky's Novel “People of the Forties”. Personality and Epoch. PhD. philol. sci. diss.]. Saratov, Saratov Chernyshevsky State University Publ., 1999. 218 p. (In Russ.)
43. Tikhomirov B. N. An Unknown Conception of Dostoevsky's Critical Essay About the Play “A Bitter Fate” by A. F. Pisemsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 3–16. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1544432389.pdf (accessed on August 7, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3741. (In Russ.)

44. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols]. Moscow, Progress Publ., 1986. (In Russ.)
45. Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo. Problematika, idei, obrazy* [On Dostoevsky's Style. Problems, Ideas, Images]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 303 p. (In Russ.)
46. Shvetsova T. V., Zemlyanikin A. P. The Problem of Creating a Cognitive Model of the Act of a Literary Hero (Based on A. F. Pisemsky's Novel "Men of the Forties"). In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2020, no. 3 (22), pp. 53–60. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-52-59. (In Russ.)
47. Shcherbakov V. D. I. Pisarev's Medical History. In: *Mir D. I. Pisareva* [The World of D. I. Pisarev]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, issue 2, pp. 29–49. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тарасова Наталья Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8775-1434>; e-mail: nsova74@mail.ru.

Natalia A. Tarasova, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8775-1434>; e-mail: nsova74@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.09.2022

Принята к публикации / Accepted 04.10.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022